

Континентальная и колониальная политика мэйдзийской Японии – взгляд из Франции: путешествия и книги Реджинальда Канна

В. Э. Молодяков

Аннотация. Статья вводит в научный оборот работы французского журналиста и аналитика Реджинальда Канна (1876–1925) «Дневник военного корреспондента на Дальнем Востоке: Япония, Маньчжурия, Корея» (1905) и «Доклад о Формозе» (1907; опубликован в 2001). Аккредитованный при японской Маньчжурской армии во время войны с Россией, затем посетивший Тайвань по заданию министерств колоний и военно-морского флота Франции, Канн собрал и проанализировал сведения о японской армии, военной, континентальной и колониальной политике, о военном и экономическом потенциале первой японской колонии.

Ключевые слова: Реджинальд Канн, Япония, Корея, Тайвань (Формоза), колония, колонизация, модернизация.

Русско-японская война 1904–1905 гг. во многих отношениях отличалась от последующих войн XX века, но схожа с ними тем значением, которое в ее ходе приобрела пропаганда. Пропаганда как средство воздействия на моральное состояние армии и общества воюющих сторон столь древняя, как сами войны, но именно в XX веке объектом активного пропагандистского воздействия стали не только сами участники войны, но и их невоюющие союзники и нейтральные державы.

Информационно-пропагандистская история русско-японской войны в объеме, сопоставимом с историей пропаганды во время мировых войн, еще не написана, хотя сделанное учеными имеет большую информационную и методологическую ценность. В наибольшей степени изучена пропаганда самих воюющих держав, нацеленная как на внешнюю, так и на внутреннюю аудиторию. Следующий шаг – изучение и осмысление освещения войны невоюющими странами. Если англоязычная, прежде всего, британская и американская литература о русско-японской войне доступна, включая переиздания и переводы, и неплохо исследована, то франкоязычные источники в основном остаются вне поля зрения как российских, так и японских историков.

«Очень многие американские газеты восторгались победами японской армии. Даже не столько победами японской, сколько поражениями русской. Временами казалось, что союзником Японии является не только Англия, но и Америка, – отметил А. Н. Мещеряков. – Из крупных стран с Россией оставалась только Франция, обеспокоенная судьбой своих индокитайских владений ввиду усиления Японии»¹.

¹ Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., 2006. С. 602.

За ходом боевых действий на месте следили наблюдатели и военные корреспонденты многих стран, включая не только союзников державы, при армии которой они были аккредитованы, но и невоюющих союзников противной стороны. Последним, конечно, доверяли гораздо меньше. Именно в таком положении очутился француз Реджинальд Канн (Réginald Kann; 1876–1925), представлявший при японской армии влиятельные парижские газеты *Le Figaro* и *L'Illustration*.

Известный и авторитетный в первой четверти XX века журналист и аналитик, специализировавшийся на военных и колониальных проблемах, Канн в настоящее время практически забыт (о нем даже нет статьи во французской Википедии). Между тем его работы о Японии и ее политике, прежде всего книга «Дневник военного корреспондента на Дальнем Востоке: Япония, Маньчжурия, Корея» (1905)² и опубликованный лишь в 2001 г. отчет о посещении в 1906 г. первой японской колонии – острова Тайвань (Формоза)³, представляют значительный интерес. В наши дни они ценны не столько как источник новой информации, но как отражение знаний и представлений о Японии европейского интеллектуала, сочетавшего осведомленность с умением анализировать факты и способного воздействовать на пусть немногочисленную, но влиятельную аудиторию – на тех, кто по долгу службы или в силу профессионального интереса следил за событиями на Дальнем Востоке, делал выводы из прочитанного и пытался этим руководствоваться.

Выпускник военной академии Сен-Сир, Канн не избрал карьеру офицера – возможно, из-за еврейского происхождения, поскольку в результате «дела Дрейфуса» отношение к евреям-офицерам во французской армии было амбивалентным, хотя и не однозначно отрицательным. Предприимчивость в сочетании с полученным образованием и несомненным литературным дарованием подготовили его к журналистской работе в «горячих точках», первыми из которых стали англо-бурская война и конфликт в Марокко. Это сделало его подходящим кандидатом для освещения в парижской прессе русско-японской войны, на которую Канн в свои неполные 28 лет, отправился сразу после ее начала.

15 марта 1904 г., после 35 дней пути, за время которых успело произойти много событий, включая гибель «Варяга» и высадку японцев в Корею, Канн прибыл в Кобэ; дневниковые записи, начиная с этого дня, составили основу его книги. Первое, с чем он столкнулся, была реакция на известие (оно оказалось ложным) о взятии Порт-Артура. Это известие вызвало организованное полицией ликование японцев, а также «анг-

² *Kann R. Journal d'un correspondant de guerre en Extrême-Orient: Japon – Mandchourie – Corée. Paris, 1905.* (Далее сокращенные ссылки на это издание в тексте статьи : Japon, с указанием номера страницы.)

³ *Kann R. Rapport sur Formose. Taipei, 2001.* (Далее сокращенные ссылки на это издание в тексте статьи (Formose, с указанием номера страницы.)

лосаксонских постояльцев отеля», «более вдохновенных виски, чем симпатией к союзникам Соединенного Королевства» (Япон, 5-6). Уже по первым страницам видно отношение автора к людям: к японцам – ироничное, порой с нотками сарказма, но лишенное расового высокомерия; к «англосаксам» – завуалированная, но очевидная неприязнь, вплоть до особо оговоренного отказа от английской транскрипции японских слов, имен и названий, которая была принята во французской прессе (Япон, 7).

Прошло более четырех месяцев (!), прежде чем в конце июля 1904 г. Канн смог отправиться в зону боевых действий, хотя официальный статус военного корреспондента он получил сразу же по приезде в Токио. В Военном министерстве и Генеральном штабе его, как говорится, «кормили завтраками», чуть ли не ежедневно обещая «скорый» отъезд, уговаривая «терпеливо подождать» и не сообщая более никаких подробностей.

Затянувшееся вынужденное бездействие раздражало Канна, которому в Токио было скучно и неудобно. Письма из Франции приходили запечатанными, но на день позже газет и открыток, хотя доставлялись тем же пароходом (Япон, 36). Он иронически отозвался о приемах, устраиваемых Военным министерством для иностранных журналистов, добавив: «Меня ни разу не приглашали туда, поскольку не считали, несмотря на аккредитацию, полноценным военным корреспондентом. По японским понятиям, для доступа к преимуществам, которые давало это звание, необходимы два условия, ни одному из которых я не удовлетворял: во-первых, надо быть англосаксом, во-вторых, жить в отеле “Империял”» (Япон, 37). Канну отказывали в посещении любого военного объекта, вплоть до «кадетского корпуса, который до войны показывали всякому приезжему» (Япон, 36). Отсюда раздраженный тон записей о «проклятой столице». Новое в Токио казалось ему унылым и некрасивым, старое оставило равнодушным. Разве что некоторое впечатление произвели толпы паломников, включая солдат, у могил 47 ронинов в храме Сэнгакудзи (Япон, 33–34).

Не зная японского языка, Канн страдал от недостатка информации, вынужденный ограничиваться «очень редкими официальными сообщениями и англо-японскими листками из Йокогамы, объективность которых была более чем сомнительной» (Япон, 24). Во французских газетах, получавшихся с огромным опозданием, он отметил «естественную симпатию к России», но отразившееся в них «презрительное отношение» русских к японцам насторожило его: «Нет ничего более опасного, нежели недооценивать противника, с которым предстоит сражаться» (Япон, 25).

Анализируя доступную информацию, Канн сделал вывод, что у России даже при большом численном преимуществе нет оснований рассчитывать на легкую победу в силу необходимости перевозить на далекие расстояния не только войска, но оружие, боеприпасы, снаряжение и

продовольствие, а также защищать протяженную границу империи и контролировать национальные окраины (Ярон, 25–28). К сильным сторонам Японии он отнес не только логистические примущества, но и высокий моральный дух: «Все японцы, от микадо до последнего кули, готовы пожертвовать всем ради победы над общим врагом» (Ярон, 28). Канну бросилось в глаза искреннее воинственное настроение многих японцев, «ищущих противника» и «желающих драться». Он напомнил об эффекте вмешательства России (забыв при этом Германию и Францию!) в 1895 г. в условия Симоносекского мирного договора, что лишило Японию части «трофеев» успешной войны против Китая, но отменил, как несущественные, ссылки на «перенаселенность» Японии и на русскую экспансию в Корею, якобы делавших новую войну неизбежной (Ярон, 28–33).

29 мая 1904 г. в качестве своего рода компенсации за задержку с отправкой в действующую армию, без какого-либо объяснения, Канн получил приглашение принять участие в круизе на пароходе «Мансюмару» (бывшая «Маньчжурия» российского Добровольного флота), маршрут которого включал военно-морские базы и порты Японии и Кореи с возможным приближением к зоне боевых действий. В поездку, которой руководил будущий адмирал Такарабэ Такэси, отправились 6 эров и 10 депутатов японского парламента, два десятка редакторов местных газет, 7 военных атташе и 12 европейских журналистов: шесть англичан (по тексту там и сям разбросаны колкости в их адрес), два американца, немец, австриец, итальянец и француз-автор (Ярон, 66–67).

Итог поездки, описанию которой посвящена вторая часть «Дневника военного корреспондента», саркастически подвел один из участников-европейцев: «Пройденное расстояние: 1345 миль. Дни в пути: 21. Дни, занятые экскурсиями и визитами: 6. Дни бездействия: 15. Банкеты: 10. Военные действия: ни одного» (Ярон, 129–130). Судя по тексту, это не вполне справедливо. Получив возможность осмотреть основные базы флота Курэ, Этадзима и Сасэбо и военно-морскую академию в Этадзима, Канн подробно описал их для интересующихся читателей. Он высоко оценил не только техническую сторону дела (корабли, порты, сухие доки), но и подготовку моряков, на которую правительство не жалело сил и средств (упрек в адрес «экономной» военной политики Третьей республики), и особенно их моральный дух, «выносливость и самоотверженность» – в чем, по мнению автора, японцы превосходили европейских моряков, включая русских (Ярон, 85).

Дополнительный интерес для историков может представлять рассказ о посещении Канном в середине июня русских военнопленных в Мацуяма, размещенных в городе, пока для них не был выстроен лагерь. Автор отметил отсутствие враждебности, достойное и даже заботливое обращение японцев, особенно с ранеными и больными (журналистов пустили и в госпиталь), но указал на полную непригодность мест-

ных условий к содержанию людей совершенно иной культуры и образа жизни, вплоть до размеров отведенных им помещений и рациона питания (Япон, 88–96).

Пройдя мимо места гибели «Варяга» и «Корейца» (японцы в это время были заняты подъемом крейсера), «Мансю-мару» доставил участником поездки в Чемульпо, откуда их повезли в Сеул. «Японцы – абсолютные господа положения здесь и поставили у власти министров по своему выбору», – констатировал Канн (Япон, 118). Общие впечатления от Кореи оказались безрадостными: власти тотально коррумпированы; люди, которых они грабят, ленивы и апатичны; города грязны и запущены. В армии, «сравнимой разве что с марокканской», «мало солдат, много офицеров и без числа генералов» (Япон, 110, 113). Король Коджон, принимавший гостей под бдительным надзором японского посланника, показался автору симпатичным и добродушным, но робким и растерянным; его сын и наследник Сунджон, потерявший зубы и плохо видевший из-за попытки отравить его в детском возрасте (о чем Канн не мог знать), – «типичным альпийским кретином». «Таков будущий глава страны, призванный защищать ее от японского вторжения. Бедная Корея!» – заключил автор, признавший, что испытывает «чувство глубокой жалости и даже симпатии к этому несчастному народу <...> легкой добыче для предприимчивого соседа» (Япон, 122–124).

Японцы, ведшие себя в Корею как хозяева, стремились убедить визитеров в «благах японской оккупации» и потому остались недовольны, что «большинство европейских пассажиров предпочли гостеприимство своих соотечественников (в Сеуле. – *В.М.*) и были вынуждены отказаться от части приглашений со стороны японской колонии. Этого якобы неуважения нам не простили, и тут уж желтые не пытались более скрывать антипатию к белым. <...> За столом японские депутаты и журналисты подчеркнуто игнорировали присутствие европейских соседей. <...> Получавшиеся по радио новости отныне вывешивались написанными только по-японски, да и этот текст убирался, как только к нему приближался единственный из нас, кто мог разбирать иероглифы» (Япон, 127–128). Раздосадованный Канн раньше намеченного срока вернулся из Кореи в Нагасаки через Цусимский пролив на попутном немецком сухогрузе, зафрахтованном японской компанией, и по пути смог увидеть эскадру адмирала Камимура Хиконодзэ. «Короткое плавание на простом торговом судне приблизило нас к зоне боевых действий больше, чем целый месяц путешествия на “Мансю-мару”, официальным пунктом назначения которого был театр войны» (Япон, 137).

Строптивость не прошла французу даром: по пути из Модзи (ныне часть г. Китакою) в Нагасаки, затем в самом «городе мадам Баттерфляй» его преследовали полицейские в штатском и в форме – подобные истории постоянно встречаются в записках иностранцев о тогдашней Японии. Под предлогом того, что Канн фотографировал портовые ук-

репления Нагасаки, у него забрали «кодак» с пленкой, содержавшей лишь морские пейзажи. «На следующее утро сконфуженный полицейский чин возвратил мне аппарат: ему не только не нашлось за что арестовать меня, но пришлось заплатить за печать фотографий из собственного кармана. Урок принес свои плоды, и меня оставили в покое, когда я сел на лloydовский пароход до Иокогамы» (Япон, 138–139).

Вернувшись в Токио, Канн – напомним, после четырех месяцев ожидания – сразу же получил разрешение отправиться в действующую армию. Причем так срочно (бюрократы это любят!), что ему пришлось выехать на следующий день, второпях собравшись и не завершив необходимые приготовления. Но «к счастью, военный корреспондент мало в чем нуждается и умеет обходиться минимумом вещей» (Япон, 141–142). В составе группы из 18 журналистов, в которой «только итальянец и два француза не представляли язык Редьярда Киплинга», Канн снова выехал в направлении Модзи. В коллективе, старейшина которого, американский рисовальщик-баталист Милтон Прайор, участвовал уже в 27 кампаниях, автор дневника оказался самым молодым и всего с тремя кампаниями за плечами (Япон, 144).

Исходя из туманных намеков военного министерства и генерального штаба в Токио, газетчики надеялись, что их прикомандируют к армии генерала Ноги Марэсуке, осаждавшей Порт-Артур: «спокойная жизнь за парашютами траншей и сенсационные описания атак, обстрелов и смертей вокруг русского Гибралтара». Когда выяснилось, что к осажденной крепости журналистов не повезут, из всей группы не огорчился только Канн. «Осада Порт-Артура – всего лишь эпизод, бесспорно, драматический и волнующий, но с военной точки зрения представляющий лишь второстепенный интерес. – пояснил он. – Я полагал, что основные события разыграются вблизи Мукдена». «Широкая публика не слишком интересуется передвижениями войск и практически не способна следить за ними по карте», – добавил автор, ибо сам рассчитывал именно на интересующегося и подготовленного читателя (Япон, 149).

Путешествие через Ляодунский полуостров, частью на повозке, частью верхом, в первой половине августа 1904 г. заняло две недели и оказалось богато если не приключениями, то природными катаклизмами. Корреспонденты, наконец, двигались в сторону боевых действий, проезжая позиции, оставленные русской армией. Увиденное не произвело на Канна благоприятного впечатления: захваченные японцами орудия были устаревшими, укрепления – плохо защищенными от современной артиллерии и неудобными, «зачастую сделанными вопреки логике» (Япон, 154–155). Зато Южная ветка Китайской восточной железной дороги (автор называет ее «Транссибирской»), частично захваченная японцами, произвела на француза впечатление «одного из самых удивительных примеров того, что могут сделать человеческая воля и терпение. Легко понять любовь русских к своему творению и то, почему у них не

поднялась рука на него» (Япон, 170). Канн отметил, что отступающая русская армия оставила железную дорогу практически в неприкосновенности, взорвав лишь несколько мостов, но счел это проявлением «чистой чувствительности», сделанным вопреки нуждам тактики. «На театре боевых действий всё должно диктоваться только военной необходимостью. Игнорирование этого принципа русскими особенно удивляет. Не мешало бы им вспомнить РаSTOPчина», – добавил он, рассчитывая, что французскому читателю не надо подробно разьяснять события 1812 года (Япон, 171–172).

Во время перехода журналисты находились под неусыпным надзором японцев и не имели связи с домом: корреспонденции подлежали цензуре, а цензоры были только при штабе 2-й армии, куда они держали путь. Канн не планировал ничего телеграфировать с дороги, рассчитывая выиграть за счет полноты и качества описаний, поскольку война интересовала его не с сенсационной, а с профессиональной стороны. Спрос на достоверную, полную и точную информацию был стабильным, поэтому автор не спешил к читателям, а вел обстоятельные записи, дополняя их фотографиями (книга обильно проиллюстрирована). Он внимательно присматривался к будням японской армии, в которой видел не только избыток секретности и тягу к показухе. Канн с юмором описал образцовые «передовые посты», выстроенные специально для показа журналистам и военным атташе (Япон, 222–226), но также отметил «образцовую однородность и единство, что является главнейшей военной добродетелью» (Япон, 215–216). Наблюдение, может, и не бесспорное, но заслуживающее внимания.

Отсутствие «настоящего дела», собственных впечатлений и качественной информации о ходе кампании (японские офицеры «сознательно издевались над аудиторией, обращаясь с ней как с первоклассниками» и рассказывали ветеранам военной журналистики о «храбрых солдатах» и «ураганном огне» без единой цифры или географического названия – Япон, 218–219) побудило нескольких американцев досрочно вернуться домой. Канн решил ждать до конца.

Решение оказалось верным. Пятидневное сражение под Ляояном в начале сентября 1904 г. – «важнейшее военное событие в истории после 1870 года» (Япон, 250) и одну из ключевых битв всей войны – Канн, пренебрегая формальными запретами японцев, смог наблюдать вблизи и тщательно описал, причем не как художник или психолог, но как военный аналитик, пренебрегая эмоциями ради фактов (Япон, 251–293). Он также подробно описал оставленный русскими Ляоян, попав туда первым из военных корреспондентов, много фотографировал и привел в книге схему его укреплений (Япон, 305–325).

Памятуя, что его будут читать не только профессионалы, автор пересыпал рассказ занятыми подробностями, вроде слов японского офи-

цера, который, узнав, что перед ним француз, радостно заявил тому: «Сегодня годовщина знаменитой битвы. Мы и в будущем будем ее праздновать, потому что это станет Седаном русской армии» (Ярон, 294). Собеседник вряд ли обрадовался напоминанию о битве при Седане 1 сентября 1870 г., которая в истории французской армии осталась как постыдное поражение. Японские военные старались проявлять вежливость и дружелюбие по отношению к гостям, но их представления о такте не всегда совпадали с европейскими.

Заслуживает внимания эпизод, относящийся к вечно актуальной теме разведки. В японском штабе автор «с изумлением увидел, что генерал пользуется картой, изданной русским Генштабом. А как же фантастические рассказы о полчищах японских геодезистов, десять лет колесивших по всей Маньчжурии и зарисовавших каждую кочку, рассказы, которыми нам в Европе прожужжали все уши? Зато все русские укрепления были тщательно нанесены на карту красным карандашом; редуты и даже проволочные заграждения показаны с точностью, в которой я смог убедиться несколько дней спустя. Если японский генеральный штаб и не посылал топографов в Маньчжурию, то как минимум обзавелся там добросовестными и способными разведчиками!» (Ярон, 260).

Самоуправство во время битвы при Ляояне не сошло предприимчивому французу с рук, и вскоре после ее завершения японские военные фактически вынудили его уехать. «Сделав хорошую мину при плохой игре, я сказал Окабэ (переводчику. – *В.М.*), что увидел всё, что хотел, и прошу разрешения на отъезд. Вместо протеста я попросил его передать благодарность штабу армии за то, что во время битвы при Ляояне мне была предоставлена полная свобода. Через несколько минут мне вручили все необходимые проездные документы» (Ярон, 326–327). 10 сентября 1904 г. Канн «не без сожаления» отправился в обратную дорогу. Через пять дней он был на пути к Модзи, через десять – в Иокогаме, через шестнадцать – бросил прощальный взгляд на Японские острова в Симоносекском проливе.

Заключительную главу книги, написанной до завершения боевых действий в 1905 г., Канн посвятил японской армии – «исключительной армии, которая сегодня наносит поражение самой мощной военной державе, какую когда-либо видел мир» (Ярон, 341). Автор высоко оценил рядовой состав, отметив, что из-за ограниченных финансовых возможностей японская армия призывает под знамена лишь десятую часть годных к службе, а потому может выбирать самых лучших, в чем она отличается в выгодную сторону от любой европейской страны. Канн отметил, что солдаты приходят в армию дисциплинированными и подготовленными к тяготам службы, с развитым чувством ответственности, коллективизма и патриотизма. Зато офицеры «абсолютно лишены инициативы» и, чем старше, тем хуже подготовлены, за исключением учившихся за границей. «Самым слабым звеном японской военной организации является

верховное командование, прежде всего потому, что именно от него требуется максимум решимости и инициативы» (Ярон, 343–346).

Заслуживает внимания неожиданное для того времени наблюдение Канна о существовании своеобразного «сёгуната», при котором командующие армиями и главнокомандующий маршал Ояма Ивао практически ничего не решают, а подлинное руководство войной осуществляет главный штаб Маньчжурской армии во главе с генералами Кодама Гэнтаро и Фукусима Ясумаса, опытным разведчиком, который прославился тем, что в 1892–1893 гг. проскакал на лошади от западной до восточной границы Российской империи (Ярон, 347–349). Специалистам по истории Японии – не только военной, но и политической – хорошо известно это явление под названием *гэкокудзё* (дословно «низы подчиняют верхи»). В 1920-е и особенно в 1930-е годы эта модель принятия и исполнения решений стала в Японии доминирующей, что видно хотя бы из истории «Маньчжурского инцидента» 1931 г. или планов военно-политического союза с Германией⁴.

Как японские власти, в том числе военные, отнеслись к книге Канна и вообще, читали ли ее, мы не знаем. Официальный Токио был очень озабочен тем, что писали о его политике европейцы и американцы, и остро реагировал на любую критику, воспринимая ее в то время как насмешки «белых» над «желтыми», пытающимися войти в «клуб великих держав». В отличие от «пахнущих виски» сочинений «англосаксов» книга Канна не была апологетической, но и назвать ее антияпонской нельзя. Во Франции она была оценена по достоинству. В ноябре 1905 г. министерства колоний и военно-морского флота при участии 2-го бюро (разведки) Генерального штаба армии решили направить эмиссара на Тайвань для сбора сведений и их первичного анализа с особым вниманием к ресурсам и потенциалу первой японской колонии, а также к методам тамошней колониальной политики на предмет их возможной применимости в Индокитае, где «Франция часто сталкивается с аналогичными проблемами» (Formose, 131). Выбор пал на Канна.

Япония оказалась первой не-«белой» и не-христианской страной-колонизатором – абсолютное новшество для эпохи, когда колонизаторская деятельность трактовалась как «цивилизаторская миссия», а способными на нее считались только «белые» христианские страны. К началу японской колонизации Тайваня в «белом» мире уже сложились более-менее четкие представления о колонизации и критерии для оценки ее успеха / неуспеха. Знали об этом и японцы, внимательно изучавшие опыт европейских держав. Оставалось рассмотреть, насколько политика Японии на Тайване соответствует этим представлениям, и попытаться оценить ее, исходя из принятых критериев.

⁴ Хороший анализ см.: Toland J. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire. 1936– 1945. N.Y., 1970. Ch. 1 «Gekokujo».

Успех колониальной политики означал для Японии нечто большее, чем экономические и военно-стратегические выгоды, которые она могла получить от освоения Тайваня, хотя получение этих выгод было главной практической целью колонизации. Не менее важным был пиаровский эффект. Заложивший основы колониальной политики на Тайване, которому предостало стать образцом для других японских колоний, гражданский губернатор Гото Симпэй – ближайший помощник генерал-губернатора Кодама, на которого Канн обратил внимание во время русско-японской войны, – не только изучал опыт «великих держав», но понимал важность презентации успехов колонизации как в метрополии (где многие считали ее дорогостоящей, но бесполезной затеей), так и за ее пределами.

Сведения о Тайване и его освоении, исходившие от японцев и уделявшие преимущественное внимание их успехам, вызывали у тогдашнего европейского и американского читателя, скептически настроенного относительно способности не-«белых» к колониальной политике, сомнения в их полноте и объективности. Главным источником неангажированной информации о положении дел стали сообщения живших на острове иностранцев – дипломатов, миссионеров, врачей. Ограниченность их возможностей в сборе сведений компенсировалась присутствием на месте, опытом, широким кругом общения, знанием местных обычаев и зачастую языка. Наиболее информированными оставались англичане и американцы, тексты которых в силу общности языка были доступны в обеих странах без перевода.

Продолжали интересоваться Тайванем и французы, особенно с активизацией колониальной политики при Третьей Республике. После установления в 1884 г. протектората над Аннамом и заключения конвенции с Китаем Франция присматривалась к Тайваню. Она даже предложила Японии союз против Китая и помощь в пересмотре неравноправных договоров, но японские правящие круги сделали ставку на Великобританию, от которой главным образом зависел пересмотр. Укрепление Франции на Тайване было невыгодно ни Токио, ни Лондону, так что союз Парижа и Токио, направленный на ослабление Китая, не состоялся. Французская экспедиция на Тайвань и Пескадорские острова во главе с адмиралом А. Курбе в ходе конфликта, а затем войны с Китаем в 1884 – 1885 гг. окончилась неудачей, показав трудность ведения боевых действий на острове, в том числе из-за заразных болезней (сам Курбе умер там от холеры). Десять лет спустя, во время войны с Китаем «Япония учла опыт Франции и не приступала к военным действиям на Тайване», решив добиться его получения дипломатическим путем⁵.

Канн посетил остров летом 1906 г., когда в генерал-губернаторстве предстояла «смена караула»: Кодама и Гото находились в Токио, готовясь

⁵ *Тодер Ф. А.* Тайвань и его история (XIX в.). М., 1978. С. 159.

занять новые должности (первый вскоре скоропостижно скончался, второй стал президентом акционерной компании Южно-Маньчжурской железной дороги), и на Тайвань не вернулись. Несмотря на официальный характер миссии и усилия французского посланника в Японии Жюля Армана (которого Канн знал по пребыванию в Токио в 1904 г.), местные власти не оказали гостю содействия в передвижениях по острову и в осмотре желаемых объектов, неохотно и неполно предоставляли ему запрошенные сведения, на что автор счел нужным особо указать (Formose, 132).

По возвращении во Францию он представил подробный «Доклад о Формозе», на основании которого также написал несколько статей для специализированных периодических изданий (например, о производстве камфары для *Revue coloniale* в 1909 г.), но сам доклад, сохранившийся во французских архивах, полностью опубликован только в 2001 г. в Тайбэе (в оригинале и в переводе на китайский язык). Доклад не предназначался для публикации, и тем он ценнее как исторический источник, доселе не введенный в научный оборот ни на русском, ни на английском или японском языках.

Первая часть доклада «Общие соображения» в тезисной форме описывает место Тайваня в японской политике. Отметив его значение как наиболее близкого к материка звена в «длинном ожерелье островов от Сингапура до Татарского пролива, которые отделяют азиатский континент от (Тихого. – *В.М.*) океана», Канн указал на стратегическое значение Тайваня – этот аспект особенно интересовал не только заказчиков, но и его самого – в качестве «естественной базы» для подготовки будущих территориальных захватов и отметил, что Япония развивает порты острова прежде всего в военных целях. Против кого? Для автора очевидно, что «давняя мечта однажды изгнать белых из их дальневосточных колоний крепко сидит в душе японцев». Следовательно, в стратегической перспективе японская экспансия может угрожать Индокитаю – как и получилось в годы войны на Тихом океане (Formose, 138–140).

От значения острова аналитик перешел к общей оценке сделанного его новыми хозяевами. Признав, что к 1902 г. японцы победили «бандитов» на ранее освоенной территории и пиратов в прибрежных водах, так что «путешественник может ездить по китайским провинциям Формозы столь же безопасно, как по пригородам Токио», Канн констатировал, что из-за исходно неблагоприятного санитарного состояния острова, неприязни местного населения (китайцев и аборигенов) к японцам и нежелания уступать им свои земли, вплоть до непрекращающегося вооруженного сопротивления, первоначальные обширные планы переселенческой политики оказались невыполнимыми. «Эти неудачи вынудили власти изменить программу колонизации и рассматривать Формозу как территорию для освоения, а не для заселения» колонистами из Японии (Formose, 140–141).

Канн подчеркнул особое значение полиции, которая не только «заморила» Тайвань и поддерживает там безопасность, но остается «главным

посредником между властью и местным населением», а также защищает последнее от «дикарей», которые по-прежнему контролируют значительную часть территории острова. Наряду с этим обстоятельством он отметил, что «японские полицейские, по большей части являющиеся выходцами из старинных самурайских семей, презирают крестьян собственной страны, а уж формозских тем более», а потому «единственное чувство, которое они к себе возбуждают, – это страх, лишенный какой бы то ни было симпатии» (Formose, 141–142). Автор также указал на развитие японцами начального образования для местного населения, но не среднего и, тем более, высшего, которое «может породить у молодого поколения мысли о свободе и неповиновении» (Formose, 144).

Следом за военными и административными проблемами Канн уделит внимание финансовому и экономическому положению острова: Министерство колоний в Париже (автор отметил отсутствие аналогичного министерства в Токио) интересовалось, стал ли Тайвань ценным приобретением или обузой для Японии. Указав, что «подобно большинству новых колоний, Формоза должна столкнуться с серьезными финансовыми трудностями», Канн отметил, что правительство стремится сократить прямые расходы на финансирование колонии (небольшая численность и скромное денежное содержание местной администрации, выполнение полицейскими многих других функций, вплоть до учителей начальной школы) и по возможности переложить их на местное население с помощью налогов и монополий, а также привлекает частные инвестиции из метрополии (Formose, 142). Случившийся ранее запланированного перевод Тайваня на самофинансирование – гордость колониальной администрации – Канн не причислил к ее заслугам, но объяснил финансовыми трудностями Японии после войны с Россией, добавив, что «временная приостановка общественных работ, в том числе связанных с обороной, порождает впечатление застоя из-за нехватки денег» (Formose, 143).

Не склонный к апологетике Японии, автор признал: «Возникшая у местного населения неприязнь к японцам затмила в его сознании ту огромную пользу, которую они принесли Формозе за первые десять лет своего правления. Благодаря успешно принятым санитарным мерам и созданию медицинской школы для местных жителей частота и масштаб эпидемий значительно уменьшились. Нынешняя безопасность зримо контрастирует с анархией, от которой Формоза страдала во все периоды своей истории. Замирение принесло сельскому хозяйству невиданную доселе стабильность; используемые площади существенно расширились, сельскохозяйственные культуры улучшились за счет внедрения новых сортов. Столь частые в прошлом голодные годы сегодня забыты. Теперь Формозе не только не требуется ввозить из-за границы нужный для пропитания жителей рис, но сама она стала его экспортером. Растет производство наиболее дорогих продуктов – сахара, камфары и чая,

особенно двух последних. Наконец, природные богатства острова – уголь, золото, нефть, сера – разрабатываются с удовлетворительными результатами. Первым следствием освоения японцами ресурсов Формозы стал быстрый рост ее торговли. Но, как это обычно бывает, власти подвергаются критике за то, что слишком озабочены выгодой Японии, зачастую в ущерб местному населению» (Formose, 142–143).

Если экономические и хозяйственные успехи японцев в освоении Тайваня, особенно с учетом кратковременности владения островом, были бесспорны, то общая оценка их «цивилизаторской» политики, данная Канном исходя из тогдашних представлений, была более критической: «С точки зрения просвещения и свобод местного населения новые хозяева не сделали того, чего можно было ожидать от людей с претензиями быть освободителями желтой расы. Они продолжают создавать класс, который живет на Формозе как в завоеванной стране, и ревниво удерживают подданных в положении более бесправном, нежели то, в котором находится местное население почти во всех остальных колониях Дальнего Востока» (Formose, 144). Последнее утверждение нуждается в более развернутом обсуждении, поскольку в нем видно предвзятое отношение «белого» автора к претензиям не-«белых» колонизаторов.

Насыщенный фактами, датами и данными «Исторический обзор», составивший вторую часть доклада (Formose, 146–165), точен и объективен; для своего времени он имел несомненную ценность, но на сегодняшний день утратил значение как источник информации. В части третьей описана «Политическая и административная организация» (Formose, 168–234). Следуя правилу «только факты», Канн использовал доступные данные, а основные оценки по существу уже дал в разделе «Общие соображения». Следует, однако, указать на некоторые его наблюдения и выводы, которые могут быть полезны при изучении конкретных проблем.

Серьезным источником трений и конфликтов между колониальными властями и местным населением было некритическое применение японского законодательства в условиях, существенно отличавшихся от метрополии, к тому же при нехватке квалифицированных кадров. В основу разработки колониальной политики Гото и его сотрудники положили не только понимание политических и экономических задач и целей Японии, но специфику местных условий и особенности «старой системы». Не отступая в главном от японского права, введение которого входило в долгосрочные задачи колониальной политики, они отчасти приспособили его применение к местным условиям, прежде всего, в отношении прав собственности и наследования, пока колония не получит собственное, детально разработанное законодательство (Formose, 179).

Канн отметил совершенство пенитенциарной системы Тайваня, назвав местные тюрьмы «лучшими во всей Японской империи», особенно по контрасту с прежними китайскими, входившими в комплекс *ямэнь*

(Formose, 185). Местные власти крайне неохотно показывали иностранцам даже «передовые» места заключения, так что из текста доклада неясно, видел ли Канн их своими глазами или нет. Однако через 15 лет после него американский путешественник Пултни Бигелов осмотрел тюрьму в Тайто (совр. Тайчжун), «где имеется всё, что может порекомендовать просвещенный пенолог», и оставил о ней развернутый восторженный отзыв⁶.

Коснувшись болезненной в политическом и пиаровском отношении проблемы опикурения, Канн указал, что введенная японцами монополия на производство и продажу опиума (Гото выступал ее сторонником и как врач, и как администратор) направлена на сокращение его употребления, поскольку реализация полного запрета была обоснованно признана невозможной. Автор однако отметил, что существенные доходы от продажи опиума подвигли власти на смягчение режима доступа к нему местного населения (японцы опиум не курили) ради пополнения казны (Formose, 192–194).

Детально анализируя экономическое положение острова, Канн сделал вывод: «За десять лет экспорт и импорт выросли почти вдвое. Это хороший результат, но он мог бы быть лучше, если бы власти не проводили торговую политику исключительно в интересах метрополии за счет других стран и самой колонии» (Formose, 213). Однако трудно было ожидать другого. По мнению Канна, «японцы, несмотря на умеренность и выносливость, не могут конкурировать с местными крестьянами», а «как коммерсанты уступают китайцам» с материка, поэтому «основное японское население живет в главных городах, будучи по большей части служащими, а также торговцами, ремесленниками и рабочими» (Formose, 226). Вторая часть этого утверждения подкреплена статистическими данными; первую пишущий эти строки не берет за оценочную. Четвертая и пятая части доклада «Сельскохозяйственная продукция» и «Полезные ископаемые» (Formose, 237–323) насыщены фактическим материалом, но содержат минимум оценок; пересказывать их не будем.

Благодаря «случайности в расписании пароходов», Канн на несколько часов заехал на Пескадорские острова – главную военную базу колонии и «стратегическую зону», куда иностранцев старались не пускать, несмотря на отсутствие формального запрета. Была ли это действительно «случайность» (вспомним поведение Канна во время битвы при Ляояне!) или нет, но последствия не заставили себя ждать: «По возвращении в Тайхоку я столкнулся с еще более холодным приемом и был вынужден сократить свое пребывание» на острове (Formose, 132).

Как оценить сегодня «Доклад о Формозе»? Автор настоящей работы не перепроверял использованные в нем цифры, а приводимые фактиче-

⁶ Bigelow P. Japan and Her Colonies. London, 1923. P. 113–116.

ские данные не противоречат тому, что мы знаем из других источников, – разница в оценке, так сказать, в выборе выражений. От Канна – журналиста со знанием региона и военной проблематики, но не экономиста, юриста и администратора – требовались максимально достоверная (насколько возможно) информация и ее первичный анализ, а далее с его отчетом должны были работать специалисты различных ведомств. Автор ответственно подошел к порученной миссии и представил качественную «информацию к размышлению», но кем и как она была конкретно использована, мы не знаем.

Наблюдения и выводы Канна в целом согласовываются с тем, что писали позднейшие авторы различной национальной принадлежности и политической ориентации, кроме записных пропагандистов. Они признавали, что управление Тайванем до Кодама было репрессивным и неэффективным, что реформы последующего времени связаны главным образом с Гото как разработчиком стратегии, а во многом и тактики колониальной политики, что изучение местных правовых и социальных устоев (результаты которого до сих пор сохраняют научное значение) способствовало успеху колонизации, что японцы радикально модернизировали остров, сделали его безопасным в санитарно-гигиеническом отношении и добились крупных успехов в экономическом развитии, но действовали прежде всего в интересах метрополии и с помощью силовых мер, а аборигенная политика осталась «слабым местом», что признавали и сами колониальные власти.

«Дневник военного корреспондента» не перевернет наши представления о японской армии и русско-японской войне, «Доклад о Формозе» – о начальном периоде японского правления на Тайване. Однако эти информативные и добросовестные источники могут послужить для их верификации и, может быть, корректировки. Они также полезны для изучения европейского восприятия военной, континентальной и колониальной политики Японии и ее пиаровского эффекта, оказывавшего воздействие на международные отношения.

Реджинальд Канн больше не работал на Дальнем Востоке, но его дальнейшая деятельность как журналиста и аналитика была связана с военной и колониальной проблематикой. Он участвовал в Первой мировой войне и в войне с восставшими риффами в Марокко как корреспондент *L'Illustration* и *Le Temps* в начале 1920-х годов, выпустил книги «Кампании 1914 года» (1915), «Германский план кампании 1914 года и его исполнение» (1923) и «Марокканский протекторат» (1921). Он умер, не дожив до пятидесяти лет и, возможно, не вкусив заслуженной славы. Работы о Японии – хороший повод вспомнить его.